

«Страна заболела манией величия»

80 лет назад нацисты устроили провокацию с поджогом Рейхстага. Доре Насс (урожденной Петтин) в то время было семь лет, и она помнит, как утверждалась гитлеровская диктатура.

Дора Насс в своей берлинской квартире

Я родилась в 1926 году недалеко от Потсдамерплац, а жила на Кенигетцерштрассе. Эта улица находится рядом с Вильгельмштрассе, где были все министерства Третьего рейха и резиденция самого Гитлера. Я часто прихожу туда и вспоминаю, как все начиналось и чем все закончилось. И мне кажется, что это было не вчера и даже не пять минут назад, а происходит прямо сейчас. У меня очень плохие зрение и слух, но все, что случилось со мной, с нами, когда к власти пришел Гитлер, и во время войны, и в последние ее месяцы — я прекрасно вижу и слышу. А вот ваше лицо не могу ясно видеть, только отдельные фрагменты... Но ум мой пока работает. Надеюсь (смеется).

Вы помните, как вы и ваши близкие реагировали, когда Гитлер пришел к власти?

Знаете, что творилось в Германии до 1933 года? Хаос, кризис, безработица. На улицах — бездомные. Многие голодали. Инфляция такая, что моя мама, чтобы купить хлеб, брала мешок денег. Не фигурально. А настоящий маленький мешок с ассигнациями. Нам казалось, что этот ужас никогда не закончится.

И вдруг появляется человек, который останавливает падение Германии в пропасть. Я очень хорошо помню, в каком мы были восторге в первые годы его правления. У людей появилась работа, были построены дороги, уходила бедность...

И сейчас, вспоминая наше восхищение, то, как мы все и я с моими подругами и друзьями славили нашего фюрера, как готовы были часами ждать его выступления, я бы хотела сказать вот что: нужно научиться распознавать зло, пока оно не стало непобедимым. У нас не получилось, и мы заплатили такую цену! И заставили заплатить других.

Не думали...

Мой отец умер, когда мне было восемь месяцев. Мать была совершенно аполитична. У нашей семьи был ресторанчик в центре Берлина. Когда к нам в ресторан приходили офицеры СА, все обходили их стороной. Они вели себя как агрессивная банда, как пролетарии, которые получили власть и хотят отыграться за годы

рабства.

* В ночь на 9 ноября 1938 г. в Германии начались еврейские погромы («Хрустальная ночь»). Около сотни евреев было убито, 26 тыс. отправлено в концлагеря.

В нашей школе были не только нацисты, некоторые учителя не вступали в партию. До 9 ноября 1938 года* мы не чувствовали, насколько все серьезно. Но тем утром мы увидели, что в магазинах, которые принадлежали евреям, разбиты стекла. И везде надписи — «магазин еврея», «не покупай у евреев»... В то утро мы поняли, что начинается что-то нехорошее. Но никто из нас не подозревал, каких масштабов преступления будут совершены.

Понимаете, сейчас так много средств, чтобы узнать, что на самом деле происходит. Тогда почти ни у кого не было телефона, редко у кого было радио, о телевизоре и говорить нечего. А по радио выступал Гитлер и его министры. И в газетах — они же. Я читала газеты каждое утро, потому что они лежали для клиентов в нашем ресторане. Там ничего не писали о депортации и Холокосте. А мои подруги даже газет не читали...

Конечно, когда исчезали наши соседи, мы не могли этого не замечать, но нам объясняли, что они в трудовом лагере. Про лагеря смерти никто не говорил. А если и говорили, то мы не верили... Лагерь, где умерщвляют людей? Не может быть. Мало ли каких кровавых и странных слухов не бывает на войне...

Иностранцы приезжали к нам, и никто не критиковал политику Гитлера. Все пожимали ему руку. Договаривались о сотрудничестве. Что было думать нам?

Тысячи сверстниц Доры состояли в национал-социалистическом «Союзе немецких девушек»

Вы с подругами говорили о войне?

В 1939 году у нас не было понимания, какую войну мы развязываем. И даже потом, когда появились первые беженцы, мы особенно не предавались размышлениям — что все это значит и куда приведет. Мы должны были их накормить, одеть и дать кров. И конечно, мы совершенно не могли себе представить, что война придет в Берлин... Что я могу сказать? Большинство людей не используют ум, так было и раньше.

Вы считаете, что вы тоже в свое время не использовали ум?

(После паузы.) Да, я о многом не думала, не понимала. Не хотела понимать. И сейчас, когда я слушаю записи с речами Гитлера — в каком-нибудь музее, например, — я всегда думаю: боже мой, как странно и страшно то, что он говорит, а ведь я, молодая, была среди тех, кто стоял под балконом его резиденции и кричал от восторга...

Очень трудно молодому человеку сопротивляться общему потоку, думать, что все это значит, пытаться предугадать — к чему это может привести? В десять лет я, как и тысячи других моих сверстниц, вступила в

«Союз немецких девушек», который был создан национал-социалистами. Мы устраивали вечеринки, ухаживали за стариками, путешествовали, выезжали вместе на природу, у нас были праздники. День летнего солнцестояния, например. Костры, песни, совместный труд на благо великой Германии... Словом, мы были организованы по тому же принципу, что и пионеры в Советском Союзе.

В моем классе учились девочки и мальчики, чьи родители были коммунистами или социал-демократами. Они запрещали своим детям принимать участие в нацистских праздниках. А мой брат был в гитлерюгенде маленьким боссом. И он говорил: если кто-то хочет в нашу организацию, пожалуйста, если нет — мы не будем заставлять. Но были и другие маленькие фюреры, которые говорили: кто не с нами, тот против нас. И были настроены очень агрессивно к тем, кто отказывался принимать участие в общем деле.

Пасторы в униформе

Моя подруга Хельга жила прямо на Вильгельмштрассе. По этой улице часто ездил автомобиль Гитлера в сопровождении пяти машин. И однажды ее игрушка попала под колеса автомобиля фюрера. Он приказал остановиться, дал ей подойти и достать игрушку из-под колес, а сам вышел из машины и погладил ее по голове. Хельга до сих пор эту историю рассказывает, я бы сказала, не без трепета (смеется).

Или, например, в здании министерства воздушного транспорта, которым руководил Геринг, для него был построен спортзал. И моя подруга, которая была знакома с кем-то из министерства, могла спокойно ходить в личный спортзал Геринга. И ее пропускали, и никто ее не обыскивал, никто не проверял ее сумку.

Нам казалось, что все мы — большая семья. Нельзя делать вид, что всего этого не было.

А потом началось сумасшествие — манией величия заболела целая страна. И это стало началом нашей катастрофы. И когда на вокзал Анхальтер Банхоф приезжали дружественные Германии политики, мы бежали их встречать. Помню, как встречали Муссолини, когда он приезжал... А как же? Разве можно было пропустить приезд дуче? Вам это трудно понять, но у каждого времени свои герои, свои заблуждения и свои мифы. Сейчас я мудрее, я могу сказать, что была неправа, что должна была думать глубже, но тогда? В такой атмосфере всеобщего возбуждения и убежденности разум перестает играть роль. Кстати, когда был подписан пакт Молотова–Риббентропа, мы были уверены, что СССР нам не враг.

Вы в 1941 году не ожидали, что будет война?

Мы скорее не ожидали, что война начнется так скоро. Ведь вся риторика фюрера и его министров сводилась к тому, что немцам необходимы земли на востоке. И каждый день по радио, из газет, из выступлений — все говорило о нашем величии... Великая Германия, великая Германия, великая Германия... И как много этой великой Германии не хватает! У обычного человека такая же логика: у моего соседа «мерседес», а у меня только «фольксваген». Хочу тоже, я ведь лучше соседа. Потом хочу еще и еще, больше и больше... И как-то все это не противоречило тому, что большинство из нас были верующими...

Около моего дома была церковь, но наш священник никогда не говорил про партию и про Гитлера. Он даже не был в партии. Однако я слышала, что в некоторых других приходах пасторы выступают прямо в униформе! И говорят с амвона почти то же самое, что говорит сам фюрер! Это были совсем фанатичные пасторы-нацисты.

Были и пасторы, которые боролись с нацизмом. Их отправляли в лагеря.

Разрушенный Берлин. 1945 г.

В учебниках писали о том, что немецкая раса — высшая?

Сейчас я покажу вам мой школьный учебник (достаю с книжной полки школьный учебник 1936 года). Я все храню: мои учебники, учебники дочери, вещи покойного мужа — я люблю не только историю страны, но и маленькую, частную, мою историю. Вот смотрите — учебник 1936 года издания. Мне десять лет. Прочитайте один из текстов. Пожалуйста, вслух.

Der fuhrer kommt (пришествие фюрера).

Сегодня на самолете к нам прилетит Адольф Гитлер. Маленький Райнхольд очень хочет его видеть. Он просит папу и маму пойти с ним встречать фюрера. Они вместе идут пешком. А на аэродроме уже собралось множество людей. И все пропускают малыша Райнхольда: «Ты маленький — иди вперед, ты должен видеть фюрера!»

Самолет с Гитлером показался вдалеке. Играет музыка, все замирает в восхищении, и вот самолет приземлился, и все приветствуют фюрера! Маленький Райнхольд в восторге кричит: «Он прилетел! Прилетел! Хайль Гитлер!» Не выдержав восторга, Райнхольд бежит к фюреру. Тот замечает малыша, улыбается, берет за руку и говорит: «Как хорошо, что ты пришел!»

Райнхольд счастлив. Он этого никогда не забудет.

Сейчас мне и смешно, и горько это читать, но тогда эти тексты казались мне совершенно нормальными.

** Антисемитский фильм «Еврей Зюсс» Файта Харлана был снят по личному распоряжению Геббельса в 1940 году, чтобы оправдать открытую травлю евреев.

Мы всем классом ходили на антисемитские фильмы, на «Еврея Зюсса»**, например. В этом кино доказывали, что евреи жадные, опасные, что от них одно зло, что надо освободить от них наши города как можно скорее. Пропаганда — страшная сила. Самая страшная. Вот я не так давно познакомилась с женщиной моего возраста. Она всю жизнь прожила в ГДР. У нее столько стереотипов по поводу западных немцев! Она такое про нас говорит и думает (смеется). И только познакомившись со мной, она начала понимать, что западные немцы — такие же люди, не самые жадные и заносчивые, а просто — люди. А сколько лет прошло после объединения? И мы ведь принадлежим к одному народу, но даже в этом случае предрассудки, внушенные пропагандой, так живучи.

Сейчас я не могу понять, как можно разделять людей по национальному признаку. Я старый человек, и мне теперь кажется, что все так просто: если у кого-то чего-то много, он должен этим поделиться; что нельзя презирать или даже недолюбливать человека за то, что он другой нации... Но я не буду делать вам доклад о морали (смеется). Я в молодости столько раз слышала, что славянская раса — низшая раса... Как можно было в это верить?

Вы верили?

Когда тебе каждый день лидеры страны говорят одно и то же, а ты подросток... Да, верила. Я не знала ни

одного славянина, поляка или русского. А в 1942 году я поехала — добровольно! — из Берлина работать в маленькую польскую деревню. Работали мы все без зарплаты и очень много.

Вы жили на оккупированной территории?

Да. Поляков оттуда выселили, и приехали немцы, которые жили до этого на Украине. Моих звали Эмма и Эмиль, очень хорошие люди. Добрая семья. По-немецки говорили так же хорошо, как и по-русски. Там я прожила три года. Хотя в 1944 году уже стало очевидно, что мы проигрываем войну, все равно в той деревне я чувствовала себя очень хорошо, потому что приносила пользу стране и жила среди хороших людей.

Вас не смущало, что из этой деревни выгнали людей, которые раньше там жили?

Я не думала об этом. Сейчас, наверное, это сложно, даже невозможно понять...

Куда идет поезд

Дора Насс после войны

В январе 1945 года у меня начался приступ аппендицита. Болезнь, конечно, нашла время! (Смеется.) Мне повезло, что меня отправили в больницу и прооперировали. Уже начинался хаос, наши войска оставляли Польшу, и потому то, что мне оказали медпомощь, — чудо. После операции я пролежала три дня. Нас, больных, эвакуировали.

Мы не знали, куда идет наш поезд. Понимали лишь направление — мы едем на запад, мы бежим от русских. Иногда поезд останавливался, и мы не знали, поедет ли он дальше. Если бы у меня в поезде потребовали документы — последствия могли бы быть ужасными. Меня могли спросить, почему я не там, куда послала меня родина? Почему не на ферме? Кто меня отпустил? Какая разница, что я болею? Тогда был такой страх и хаос, что меня могли расстрелять.

Но я хотела домой. Только домой. К маме. Наконец поезд остановился недалеко от Берлина в городе Укермюнде. И там я сошла. Незнакомая женщина, медсестра, видя, в каком я состоянии — с незажившими еще швами, с почти открытой раной, которая постоянно болела, — купила мне билет до Берлина. И я встретила с мамой.

И через месяц я, все еще больная, пошла в Берлине устраиваться на работу. Так силен был страх! И вместе с ним — воспитание: я не могла бросить свою Германию и свой Берлин в такой момент.

Вам странно слышать это — и про веру, и про страх, но я вас уверяю, если бы меня услышал русский человек моего возраста, он бы прекрасно понял, о чем я говорю...

Я работала в трамвайном парке до 21 апреля 1945 года. В тот день Берлин стали так страшно обстреливать, как не обстреливали никогда. И я, снова не спросив ни у кого разрешения, сбежала. На улицах было разбросано оружие, горели танки, кричали раненые, лежали трупы, город начинал умирать, и я не верила, что иду по своему Берлину... это было совсем другое, ужасное место... это был сон, страшный сон... Я ни к кому не подошла, я никому не помогла, я как заколдованная шла туда, где был мой дом.

А 28 апреля моя мама, я и дедушка спустились в бункер — потому что Берлин начала захватывать советская армия. Моя мама взяла с собой только одну вещь — маленькую чашку. И она до своей смерти пила только из этой надтреснутой, потускневшей чашки. Я, уходя из дома, взяла с собой мою любимую кожаную сумку. На мне были часы и кольцо — и это все, что осталось у меня от прошлой жизни.

И вот мы спустились в бункер. Там шагу нельзя было ступить — кругом люди, туалеты не работают, ужасная вонь... Ни у кого нет ни еды, ни воды...

И вдруг среди нас, голодных и напуганных, проносится слух: части немецкой армии заняли позиции на севере Берлина и начинают отвоевывать город! И у всех загорелась такая надежда! Мы решили во что бы то ни стало прорваться к нашей армии. Представляете? Было очевидно, что мы проиграли войну, но мы все равно поверили, что еще возможна победа.

И мы вместе с дедушкой, которого поддерживали с двух сторон, пошли через метро на север Берлина. Но шли мы недолго — вскоре оказалось, что метро затоплено. Там было по колено воды. Мы стояли втроем — а вокруг тьма и вода. Наверху — русские танки. И мы решили не идти никуда, а просто спрятаться под платформой. Мокрые, мы лежали там и просто ждали...

3 мая Берлин капитулировал. Когда я увидела развалины, я не могла поверить, что это — мой Берлин. Мне снова показалось, что это сон и я вот-вот проснусь. Мы пошли искать наш дом. Когда пришли к тому месту, где он раньше стоял, мы увидели руины.

Русский солдат

Борис Абдулгужин. 1945 г.

Тогда мы стали искать просто крышу над головой и поселились в полуразрушенном доме. Устроившись там кое-как, вышли из дома и сели на траву.

И вдруг мы заметили вдалеке повозку. Сомнений не было: это русские солдаты. Я, конечно, ужасно испугалась, когда повозка остановилась и в нашу сторону пошел советский солдат. И вдруг он заговорил по-немецки! На очень хорошем немецком языке!

Так для меня начался мир. Он сел рядом с нами, и мы говорили очень долго. Он рассказал мне о своей семье, я ему — о своей. И мы оба были так рады, что больше нет войны! Не было ненависти, даже не было страха перед русским солдатом. Я подарила ему свою фотографию, и он мне подарил свою. На фотографии был написан его почтовый фронтовой номер.

Три дня он жил с нами. И повесил на доме, где мы жили, небольшое объявление: «Занято танкистами». Так он спас нам жилье, а может быть, и жизнь. Потому что нас бы выгнали из пригодного для жизни дома, и совершенно неизвестно, что было бы с нами дальше. Встречу с ним я вспоминаю как чудо. Он оказался человеком в бесчеловечное время.

Я хочу особенно подчеркнуть: не было никакого романа. Об этом даже думать было невозможно в той ситуации. Какой роман! Мы должны были просто выжить. Конечно, встречались мне и другие советские солдаты... Например, ко мне вдруг подошел мужчина в военной форме, резко вырвал у меня сумку из рук,

бросил на землю и тут же, прямо при мне, помочился на нее.

До нас доходили слухи, что делают советские солдаты с немецкими женщинами, и мы очень их боялись. Потом мы узнали, что делали наши войска на территории СССР. И моя встреча с Борисом, и то, как он себя повел, — это чудо. А 9 мая 1945 года Борис больше не вернулся к нам. И потом я много десятилетий искала его, я хотела сказать ему спасибо за поступок, который он совершил. Я писала везде — в ваше правительство, в Кремль, генеральному секретарю — и неизменно получала или молчание, или отказ.

После прихода к власти Горбачева я почувствовала, что у меня появился шанс узнать, жив ли Борис, и если да, то узнать, где он живет и что с ним стало, и быть может, даже встретиться с ним! Но и при Горбачеве мне снова и снова приходил один и тот же ответ: русская армия не открывает своих архивов.

И только в 2010 году немецкая журналистка провела расследование и узнала, что Борис умер в 1984 году, в башкирском селе, в котором прожил всю жизнь. Так мы с ним и не увиделись.

Журналистка встретила с его детьми, которые сейчас уже взрослые, и они сказали, что он рассказывал о встрече со мной и говорил детям: учите немецкий.

Сейчас в России, я читала, поднимается национализм, да? Это так странно... И я читала, что у вас все меньше и меньше свободы, что на телевидении — пропаганда... Я так хочу, чтобы наши ошибки не повторил народ, который освободил нас. Ведь я воспринимаю вашу победу 1945 года как освобождение. Вы тогда освободили немцев.

И сейчас, когда я читаю о России, создается впечатление, что государство очень плохое, а люди очень хорошие... Как это говорится? Мутерхен русланд, «матушка Россия» (с акцентом, на русском), да? Эти слова я знаю от моего брата — он вернулся из русского плена в 1947 году. Он говорил, что в России с ним обращались по-человечески, что его даже лечили, хотя могли этого не делать. Но им занимались, тратили на пленного время и лекарства, и он был всегда за это благодарен. Он пошел на фронт совсем молодым человеком — им, как и многими другими юношами, воспользовались политики. Но потом он понял, что вина немцев — огромна. Мы развязали самую страшную войну и ответственны за нее. Здесь не может быть иных мнений.

Разве сразу пришло осознание «немецкой вины», вины целого народа? Насколько мне известно, эта идея долго встречала сопротивление в немецком обществе.

Я не могу сказать обо всем народе... Но я часто думала: как же это стало возможным? Почему это произошло? И могли ли мы это остановить? И что может сделать один человек, если он знает правду, если он понимает, в какой кошмар все так бодро шагают?

*** В августе 1936 года в Берлине прошли летние Олимпийские игры. Незадолго перед ними, в феврале 1936 года, Германия принимала в Гармиш-Партенкирхене (Баварские Альпы) и зимнюю Олимпиаду.

И еще я спрашиваю: почему нам позволили обрести такую мощь? Неужели по риторике, по обещаниям, проклятиям и призывам наших лидеров было непонятно, к чему все идет? Я помню Олимпиаду 1936 года*** — никто ведь не сказал ни слова против Гитлера, и международные спортивные делегации, которые шли по стадиону, приветствовали Гитлера нацистским приветствием. Никто не знал тогда, чем все закончится, даже политики.

А сейчас, сейчас я просто благодарна за каждый день. Это подарок. Я каждый день благодарю Бога, что жива и что прожила такую жизнь, которую он дал мне. Благодарю за то, что встретила мужа, родила сына...

Мы с мужем переехали в квартиру, где мы сейчас с вами разговариваем, в пятидесятых годах. После тесных, полуразрушенных домов, где мы жили, это было счастье! Две комнаты! Отдельные ванна и туалет! Это был дворец! Видите на стене фотографию? Это мой муж. Здесь он уже старый. Мы сидим с ним в кафе в Вене — он смеется надо мной: «Дора, снова ты меня снимаешь». Это моя любимая фотография. Здесь он счастлив. В руках у него сигарета, я ем мороженое, и день такой солнечный...

И каждый вечер, проходя мимо этой фотографии, я говорю ему: «Спокойной ночи, Франц!» А когда просыпаюсь: «Доброе утро!» Видите, я приклеила на рамку высказывание Альберта Швейцера: «Единственный след, который мы можем оставить в этой жизни, — это след любви».

И это невероятно, что ко мне приехал журналист из России, мы разговариваем и я пытаюсь вам объяснить, что я чувствовала и что чувствовали другие немцы, когда были безумны и побеждали, и потом, когда наша страна была разрушена вашими войсками, и как меня и мою семью спас русский солдат Борис.

Я думаю, что бы я сегодня написала в свой дневник, если бы могла видеть? Что сегодня произошло чудо.

Перевод: Катя Колльманн

фотографии: из личного архива, скриншот с сайта youtube.com, AP Photo

Автор: Артур Скальский © Новое время ОБЩЕСТВО, МИР 👁 4149 09.02.2014, 11:58 📄 780

URL: <https://babr24.com/?ADE=123249> Bytes: 21723 / 20851 Версия для печати Скачать PDF

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)